

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ
Ю. КОРЧЕВСКОГО**

**ТРИ РОМАНА
ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ**

КОРЧЕВСКИЙ
ЮРИЙ

**ОГНЕВОЙ
БОЙ**

**ВОЕВОДА
ИЗ БУДУЩЕГО**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Огневой бой. Воевода из будущего / Юрий Корчевский. — Москва : Издательство «Э» : Яуза, 2018. — 640 с. — (Фантастические бестселлеры Юрия Корчевского).

ISBN 978-5-04-091174-5

Наш человек в Московском царстве.

Наш современник на службе у отца Ивана Грозного.

За разгром крымских орд и победы над ляхами «попадаец» пожалован княжеским титулом и чином воеводы.

И теперь ему вести в атаку передовой полк конной разведки.

Ему защищать границу с Диким Полем.

Ему вершить княжий суд и учить ратников «огневому бою», чтобы остановить нашествие степняков на южные рубежи Руси.

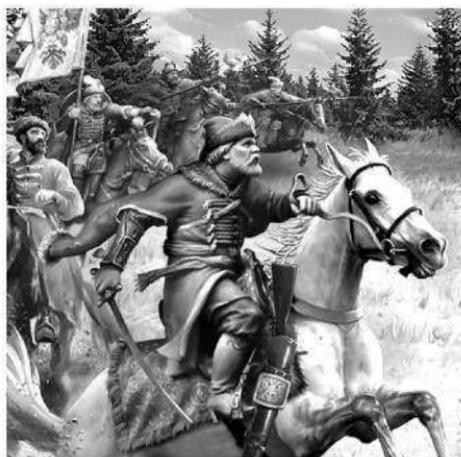
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корчевский Ю.Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091174-5

ВОЕВОДА ЕРТАУЛА

**ПОЛК КОННОЙ
РАЗВЕДКИ**

ГЛАВА 1

Давно заметил — только дела начинают идти в гору и жизнь налаживаться, откуда ни возьмись возникает новая проблема, а то и беда на пороге ждет.

Сколько раз вокруг меня кружила смерть, но так остро, как вчера, на дороге из Смольяниново в Вологду, я еще не ощущал ее ледяного дыхания. Цепenea от ужаса, наблюдал с подвернувшегося у обочины дерева, как стая голодных волков догрызла моего коня и эти твари, оглашая окрестности диким воем, ждали падения моего коченеющего на морозе тела, чтобы продолжить кровавую трапезу. Казалось — нет надежды, все, пропал. Да, видно, не зря говорят — нет худа без добра. Откуда он здесь мог взяться — мой спаситель, запозднившийся охотник Демьян, что спешил вернуться в город?

А может быть, не все задачи в этой жизни я выполнил и нужен Ему, пославшему мне чудесное спасение свыше? Для свершения неведомых мне до поры дел?

Мне, как никогда, хотелось жить и действовать: бороться, защищать и спасать, добиваться торжества Правды и поражения зла, быть полезным и любить. Но прежде надо встать на ноги, помороженные вчера.

Утром я проснулся с трудом — знобило, поднимался жар. Нога, что поморозил ночью, распухла почти до колена, кожа на стопе покрылась пятнами. Отморозил, ешкин кот! Мне только этого не хватало. Надо в баньку сходить, попариться, да горячего молока с медом да малиновым вареньем попить, полежать, пропотеть.

Я позвал Федьку, приказал истопить баню. Заодно и поинтересовался:

— Где спаситель мой, Демьян?

— Затемно еще поднялся, ушел.

Эка незадача.

— Куда, не сказывал?

— Сказывал — на торг.

— Поручи баню холопам истопить. Сам на торг ступай, найди и приведи Демьяна. Не успел я отблагодарить человека, да и виды на него имею. Убедился я — лучник он отменный. А мне еще воинов набирать надо — государь землицею жаловал, так что дружину личную увеличивать надо.

— Понял, бегу.

В спальню вошла Лена.

— Что вчера случилось? — встревоженно спросила она. — Почему так поздно вернулся — и без коня?

— Стая волков на меня напала. Коня съели, сам едва живой остался, да, похоже, простыл, ногу вот еще отморозил.

— Беденький! Сейчас я тебе молока согрею, да с медом.

— Холопам напomini про баню, я им распоряжение дал.

— Суетятся уже, Федька наказал.

Вскоре молоко было готово, я напился.

В постели под одеялом было жарко, пот катился градом. Но стоило отбросить одеяло — знобило.

К полудню баня согрелась, и я отправился париться. Стоило немного плеснуть воды на каменку, как пар, казалось, обжигал кожу. Помороженная нога вообще не дала даже прикоснуться к себе. Тем не менее я стойчески выдержал часа два, то поддавая парку, то расслабляясь на полке. Когда с меня сошло семь потов, решил — хватит. Оделся в чистое исподнее, посидел, остывая, в предбаннике, попил отвар трав, что приготовила жена.

Почувствовав облегчение, я побрел в дом. А в трапезной уже сидят Федька с Демьяном.

— Вот, боярин, еле нашел охотника — уж совсем было отчаялся.

— Ты что же, Демьян, ушел не попрощавшись? Я тут приболел немного после вчерашнего.

— В баньку, боярин, надо, да отвар из трав целебный попить.

— Только из баньки. Подождите меня.

Я вышел из трапезной, прошел к себе в комнату, взял мешочек с монетами. Вернувшись в трапезную, с благодарностью вручил его Демьяну. Тот взвесил на руке мешочек, сказал:

— Многовато даешь, боярин.

— Думаешь, моя жизнь дешевле стоит?

— Это уж кому как виднее.

Демьян приподнялся было с лавки.

— Ты не торопись, охотник. Дело у меня к тебе. Видел я вчера, что из лука пострелять ты мастер. Не хочешь в дружину ко мне прибиться? О куске хлеба и крыше над головой думать не надо будет, жалованье положу, броню да оружие дам.

— Уж больно сладкие речи ведешь, боярин. А ну как враги, в сечу идти?

— Так святое же дело — за Русь постоять!

Демьян задумался. Я не торопил. Одно дело — сам себе хозяин, вольный человек, другое — в дружине ходить, под боярином. Не тяжкая доля в мирное время, однако и голову в сече сложить можно или калекой остаться.

— А что, согласен, — махнул рукой охотник. — Пропади она пропадом, такая жизнь. Федор твой, пока с торго шли, расписывал, какие трофеи на саблю берут. А мне хлеб тяжело достается. Зверя выследить надо, изловчиться убить, шкурку обработать. Да налог заплатить деньгою — это опять на торг ехать.

— Ну, вот и славно. Принимай, Федор, нового воина в дружину. Учи сабельному бою, пусть из мушкета постреляет, пообвыкнет. А в остальном пусть лучником и останется. В дозоре да в засаде лук нужен. Сам знаешь: мушкет

грохочет — за версту слышно. Место в избе найдется — веди, Федор.

Новому воину я был рад. Жалованная земля — это хорошо, но и воины в поместное ополчение с площади земли во владении боярском исчислялись. Надо бы еще двух к себе сманить или купить. Только абы кого не возьмишь — не всякий жизнью рисковать захочет. У воина жизнь более веселая, беззаботная и хмельная, нежели у хлебопашца или ремесленника, но и более короткая. Редко кто из них до старости доживает. Потому и стоят выше на социальной лестнице.

Я прошел в спальню. Что-то утомился, хотя и не делал ничего. Видно, болезнь ослабила. Пощупал лоб — вроде жар спал, но вялость и слабость оставались. Жена подсуетилась, принесла жиру барсучьего — ногу помороженную намазать.

Так я и отлеживался три дня. Простуда прошла, но нога зажила только через месяц. Представляю, что было бы, просиди я на дереве до утра, когда потянулись бы первые обозы и мужики отогнали волков. Точно без ноги бы остался, калеккой, а может, и насмерть замерз. Повезло, что Демьян проходил.

Я периодически интересовался у Федьки, как учится ратному делу Демьян.

— Огненного боя не любит, саблей владеть научился, но больше — ножом. Лазутчик прирожденный, — ответил Федор. — Рядом пройдет — и не услышишь.

— Охотник все же.

— Вот-вот. Лазутчиком али пластуном быть — его доля. У нас так никто не может. По лесу идут — ровно стадо, шум да треск стоит. Только и могут, что железом махать.

— Это хорошо, что лазутчик у нас будет. Еще бы двух боевых холопов надо, да где их взять?

— А смотри когда, боярин?

— Через месяц.

Федька присвистнул.

Рано утром, едва рассвело, в ворота постучал гонец. Я чертыхнулся — принесла его нелегкая в столь ранний

час! Ведь наверняка не с радостной вестью в ворота стучит. Или беда стряслась какая?

Я только к воротам подошел, как гонец через забор прокричал:

— Воевода вызывает! — и умчался.

Я вздохнул — тяжка боярская доля! Только наведешь в вотчине своей порядок — неси государево тягло. Или на заставу — порубежье охранять, или воевать — с татарами, Литвою, шведами — да мало ли у Руси врагов, жаждущих урвать у соседа землицы, угнать пленных в рабство, пожить добром чужим. Несть им числа!

Умывшись и одевшись подобающим образом, я поднялся в седло. Это уж Федька-заноза подсуетился. Пока я себя в порядок приводил, он коня оседлал.

До управы ехать недалеко, однако морозный ветер быстро прогнал остатки утреннего сна.

Я легко взбежал по ступенькам и, войдя в кабинет воеводы, отвесил легкий поклон, пожелал здоровья.

— И тебе здоровья и удачи во всем. Садись, боярин.

Я уселся на лавку, сняв шапку, и приготовился ждать остальных бояр, думая, что вызваны все. Но воевода начал разговор, не дожидаясь прибытия остальных.

— Ты знаешь, что в городе бунт зреет?

Я удивился — никто мне раньше не сообщал об этом, да и с чего быть бунту?

— Не ведаю, воевода, — честно ответил я. — Да и не по чину мне — на то Разбойный приказ есть.

— И причины волнений не знаешь?

Я пожал плечами.

— Простыл я сильно, воевода, да ногу поморозил, почитай — месяц в постели провалялся.

— Тогда понятно. Из-за соли волнения. Сам понимаешь — товар наиважнейший, без него за стол не сядешь. А на торгу соль пропала. Уходят обозы в Соль-Вычегодск и как в воду канут. Вот и подумали мы с наместником — кто-то воду мутит, выгоду от того ищет. Ладно бы, если торговцы решили товар придержать да цену поднять. Так ведь нет соли у купцов. Почитай, как снег лег, так ни од-

ного обоза с солью и не было. А впереди весна, распутица. Вот и порешили — пока не припекло, обоз за солью отправивать.

— Я-то здесь каким боком?

— Купец с обозом поедет, соль — его забота. Ты же со своими ратниками за целость обоза отвечаешь. Коли разбойники — руби, другое что — ну, мне тебя учить не надо, решай на месте.

Только я рот открыл, как Плещеев замахал рукой:

— Знаю, знаю, на порубежье был, коли не война — тебя три года трогать не можно. Только у меня бояр разумных да боевых не так много. Саблей помахать — найдутся люди, да сдастся мне, тут головой думать придется. Вон как ты раскрутил убийство злопакостное боярина Ивана Андреева. До сих пор стряпчий государев Федор Кучецкой о тебе вспоминает, как встретимся. Знать, понравился ты ему.

— Что я, динар золотой или талер — всем нравиться?

Воевода озлился, хлопнул ладонью по столу.

— Тебе город честь оказывает. А ну — бунт вспыхнет, думаешь, тебя обойдет? Всех на вилы поднять могут! Ты об этом подумал?

И впрямь — своя рубашка ближе к телу. Я действительно думал о своих нерешенных делах, а не о зреющем недовольстве. А случись бунт — можно и не успеть в Смоленино сбежать, укрыться в вотчине. Да и не в моих правилах бегать — тем более не от неприятеля.

— Усовестил, воевода! Прощения прошу. Когда выезжать?

— Обоз уже готов. Сегодня выехать хотели, да о тебе вовремя вспомнили. Сколько тебе времени надо?

Я прикинул — холопы на месте, припасы в дорогу взять — полчаса.

— Через час буду готов выступить.

— Вот и славно. Я распорядюсь — пусть обоз выходит, вы верхами его быстро нагоните — по дороге на Великий Устюг. С богом!

Я поклонился и вышел.

Слов нет — честь, конечно, оказана. Но и дома теперь меня недели три, а то и месяц не увидят.

К моему удовольствию, ратники мои были все в сборе и одеты по-походному. Осталось только оседлать лошадей да припасы собрать.

— Молодец! — похвалил я Федора.

— А то! Как гонец прискакал, так я сразу и понял — собираться надо. Уж и припасы из кладовой в сумы уложены. На кого воевать идем?

— Обоз соляной сопровождать в Соль-Вычегоду.

— Дело! В городе соли уж две седмицы нету.

— Чего же ты молчал?

— Дык, — растерялся Федор, — хозяйке, боярыне, значит, я сказал — ее это дело.

— Седлайте лошадей — обоз уже вышел, мы догоним. Я мигом.

Я забежал домой, обнял Елену, пояснив, что уезжаю на месяц, не на войну — соляной обоз сопровождать.

— Кстати, и нам соли привези — хошь мешок. Наша почти закончилась.

Поцеловав жену на прощанье и обняв Васятку, я выбежал из дома и с крыльца — сразу в седло. Федор расстарался, подвел лошадь к ступенькам.

Галопом моя кавалькада вылетела из города. Сначала гнали на север, а достигнув замерзшей реки, свернули на нее. Вот и обоз, недалеко ушел. Длинный.

Пока обгоняли его по заснеженному льду, я посчитал подводы — двадцать штук. Каждая лошадь в долгом пути по триста килограмм на санях утащит. Итого — шесть тонн. Неплохо!

На передних санях, укрытый медвежьей шкурой, важно восседал купец. Я пристроил коня рядом с санями.

— День добрый!

— И вам того же. Воевода прислал?

— Он самый. Как звать-величать?

— Первуша Ткач.

— Первый сын в семье, значит. А меня Георгий Михайлов, боярин.

— Во как! Соли в городе не стало, так и боярина с дружиной отрядили. Вечно у нас так — жареный петух не клюнет, не почешемся. Значица, так — давай определимся. Мое дело — соль купить и привезти, твое — обоз и людей сохранить. Так?

Я согласился:

— Так, о том и воевода меня предупредил.

Купец повеселел:

— Значит, сходимся, боярин.

Я понял, о чем он. Боярин выше купца, и Первуша боялся, что я командовать начну. Но у меня и без соли забот хватит, пусть коммерцию он себе оставит, на то он и купец. Меня другое заботило — почему соль в город не везут.

На Руси бунты бывали — медный, хлебный, слышал я и о соляных бунтах. Но то было, когда цена на соль поднялась. А вот почему обозы с солью исчезают? Купцы с деньгами едут, люди при обозе. Куда же все пропадает? Разбойники балуют? Все равно — хоть кто-то, да уцелел бы, дошла бы весть. «Не стоит расслабляться, — решил я, — хоть и по своей земле едем, противника нет, однако же он должен быть, этот неведомый враг...»

Ехали до сумерек. Остановились на постоялом дворе. В трапезной ратники налегли на суп да мясное. Сидевший с нами за одним столом купец заказал только постное и осуждающе покачал головой:

— Пост ведь Великий, мясо грешно вкушать.

— Путникам, воинам и болящим дозволяется. Вот мы и едим, — ответил за меня Федька.

Он вообще не терпел, когда кто-нибудь, кроме меня, делал замечания или пытался поучать.

Доели уже молча и улеглись спать. Целый день верхом да на морозе — утомительно.

Через неделю мы добрались до Устюга. Здесь дали лошадям день отдыха.

Я хотел поговорить с местным воеводой, но его в городе не оказалось. Местные бояре же ни о чем подозрительном не слыхивали, и соль в Устюге была.

— Первуша, а соль-то в Устюге есть. Давай здесь купим да вернемся, — предложил я.

— Ты что, боярин? Здесь соль изрядно дороже будет. Да и много нам надо, небось во всем Устюге столько не наберется. И вообще, ты уж извини, боярин, соль выгодно купить — мое дело.

— Как знаешь.

Отдохнувшие и отъевшиеся сеном лошади шли бодро — только пар из ноздрей валил.

А у меня мыслишка закралась. Коли в Устюге с солью все в порядке, стало быть, закавыка как раз на обратном пути должна быть, и непременно — на пути от Устюга до Вологды. По крайней мере, по логике получалось так.

Еще несколько дней пути, и мы — на месте. Соль-Вычегодск, небольшой городишко на северо-востоке, на Русском Севере. Главное его богатство — соль. Солью торговали все — купцы, мелкие разносчики на торгу; солью были забиты лавки, лабазы, амбары. Везде — мешки с солью. А как иначе — товар, можно сказать, стратегический. Без него — ни рыбку посолить, ни суп приправить. Соль на Руси ценилась высоко, частенько ее мешали с перцем, и у путников, воинов мешочек с нею всегда был в суме.

Пока Первуша занимался закупкой, я обошел торговцев, ненароком спрашивая о предыдущих обозах с Вологды.

— Были обозы — мы уж всех ваших, кто солью торгует, знаем. Так ведь как снег лег да морозом реки сковало, были из Вологды покупатели, много соли брали. А что случилось-то? Неуж соль кончилась?

Пришлось приврать, что обоз под лед провалился. Известное дело — соль воды боится, вот и пропал товар.

Я умышленно не говорил о пропаже обозов. Если это разбойничьих рук дело — сообщников неосторожными расспросами насторожить можно. А коли тати здесь ни при чем, так продавцы быстро цену поднять могут. Торговля — дело тонкое и хитрое.

С ратниками перемолвился — они тоже не слыхали о грабежах, не жаловался никто.